

Протоиерей Дмитрий Сазонов

Кандидат богословия, докторант Общецерковной аспирантуры им. св. Кирилла и Мефодия

«Советская» религиозность как фактор жизнеспособности религии в СССР. На примере областей Верхнего Поволжья

На основании документальных источников в статье доказываем, что религиозные представления неистребимо живут в обществе, даже провозгласившем атеизм основой своей идеологии. Религиозность в таком обществе воспроизводится как в формах традиционных религиозных представлений, так и принимает различные другие направления, восполняющие у человека религиозный вакуум и запросы. В целом, «советская религиозность» характеризуется неопитством, увлеченностью религией, желанием воплотить в жизнь субъективные идеалы и представления о религии в основном почерпнутые из книг и разговоров о ней. В основе поиска религиозной удовлетворенности лежит самопознание и самообразование. Как показывают исследования феномена «советской религиозности», результатом неопитских порывов является нынешнее, постсоветское состояние церковных структур, а также, религиозной жизни людей.

Ключевые слова: религия, неопит, философия, атеизм, «советская религиозность».

Рассматривая положение с состоянием религиозности советских людей, со всей неоднозначностью ее классификации, возникает вопрос - уместен ли термин «советская религиозность»? На основании фактов, изложенных в статье, становится понятным, что религиозность в тоталитарном обществе носит все оттенки факторов и обстоятельств присущих жизни человека в системе отсутствия свободы личности волеизъявления.

Анализируя положение в СССР в плане религиозности советских людей, философ и богослов В. Аксютин указывал, что духовное состояние народа находится в глубоком кризисе. Выход из глобального кризисного состояния советской системы он видел в углублении и возрождении «духовных, религиозных основ жизни»[1, с.231]. Как показывают итоги идеологической борьбы СССР с враждебной атеизму религией за все время существования советской власти - идеология социализма-коммунизма не могла заполнить вакуум советской «безрелигиозной жизни». Из провозглашенного партией большевиков лозунга построение нового общества в идеологии которого не будет религии не следует, что

жизнь в СССР была безрелигиозной. В советской антирелигиозной периодике середины 1960-х годов отмечалось, что наступление на религию не только не сократило религиозность, но привлекло к вере тех, кто раньше не интересовался вопросами религиозного характера. Хрущевские гонения конца 1950-начала 1960-х гг. на религию вызвали сочувствие к несправедливо обижаемым верующим. Складывающаяся ситуация влекла озлобление людей против власти. Негативное отношение к религии партийной элиты и идеологов вызывало отторжение ко всему советскому строю и загоняло протест в подполье, во внутреннюю жизнь людей. Причем даже партийное идеологическое руководство признавало, что подпольная религиозность опаснее открытой[24, с.198-221].

Как пишут некоторые исследователи темы, при долгом отсутствии богослужения и нормальной религиозной жизни в СССР, даже сельское общество, всегда бывшее более религиозным, чем городское, дичало. При отсутствии даже элементарного религиозного просвещения в сельских районах религиозность выражалась крайней невежественно-

стью, преобладанием суеверий, обрядовери-ем. Характерной чертой 1960-1980-х годов стало крещение младенцев и отпевание совершаемое в отсутствие священника монахинями, псаломщицами, просто богомольными людьми. К ним, к деревенским богомолкам и «читалкам» обращались люди чтобы покрестить ребенка, почитать от сглаза и порчи, почитать Псалтырь над покойником и отпеть его. В Центральной России, особенно в глухих уголках Костромской, Ивановской, Вологодской, Кировской областей «крещение бабкой» либо «монашенной» не вызывало ни у кого удивления[15]. В некоторых местностях установились свои обычаи, имеющие религиозный характер, часто представляющие смесь суеверий и православной обрядности. Например, в Пензенской области, в местностях, где отсутствовал храм, проводились обряды «проводы души» покойника на сороковой день после смерти человека. Живой образ «народного одичания» описал А. И. Солженицын в IV томе «Март Семнадцатый». С сокрушением о народном невежестве он пишет, что ошибаясь в словах молитвы люди «только знают верно, когда креститься, кланяться и прикладываться». Само чтение сохранившегося Евангелия стариками своим внукам, даже без понятия смысла прочитанного, дает им уверенность, что «само только это чтение праздничное унимает беса в каждом и ныслает на души здравие» [23, с.65]. С их смертью выросли поколения людей у которых Евангелия уже не было, либо хранилась доставшаяся по наследству Библия на славянском языке.

Несмотря на народное одичание, религиозность сохранялась, хотя принимала своеобразные формы. Она жила в народной памяти религиозными праздниками, которые отмечались уже в кругу семьи. Так отмечали Пасху и Рождество, а также храмовые праздники – Покров, Ильин день, Николу. Их помнили, хотя смысл праздников уже забывался, сохранившись в рассказах старшего поколения[15]. В русской деревне жили искаженными представлениями о Боге. Писатель Борис Васильев писал о выхоленном, бытовом характере религиозности сельского населения. Описывая внутренний мир крестьянки Анисьи, как прототип оставшихся после войны женщин-одинок, он отмечал, что она церковь поминала всегда не в религиозном

смысле, а обращалась к ней, как к моральному авторитету. Она жаловалась богу как к высшей инстанции, с целью наведения порядка и прекращения бесхозяйственности в колхозе[8, с.266].

В Костромской, Владимирской и Рязанских областях были сильны традиции катакомбников. Довольно многочисленными были члены братств и сестричеств, последователей священника А. Жураковского и епископа Афанасия Сахарова[5, с.153]. В Костромской и Нижегородских областях на религиозные традиции и менталитет населения большое влияние оказывали общины старообрядцев. Религиозное воспитание сохранялось и передавалось благодаря крепким традиционным семьям. В г. Костроме Костромском, Красносельском и Сусанинском районах проживает 1300 старообрядцев Белокриницкого согласия. У них имеется три действующие церкви, две часовни[9, с.31]. В Костромской области в 1960-е годы наличествовало 3 старообрядческие общины[19, с.90-92].

Религиозный тип людей в СССР трудно рассмотреть более подробно в связи с отсутствием официальной статистики. Чиновники Совета по делам религий на страницах отчетов (как и исполкомовские начальники) рапортовали об успехах, приписывали достижениям антирелигиозной пропаганды и успехам социалистического строительства «уменьшение» религиозности населения. Однако, доложив об успехах атеистической работы, и подтверждая их цифрами низкой посещаемости церквей, отхода людей от религии, они тут же, ниже абзацем писали о высоких цифрах церковных доходов. Например, в Костромской области в конце 1950-х годов произошло увеличение церковных доходов[9, с.5].

Историк Д. Поспеловский анализируя духовно-нравственное состояние советского народа в 1970-1980-х годах сделал вывод о катастрофических последствиях ограничения влияния Церкви на морально-нравственное состояние людей в СССР. Идеологический тупик приводил советских людей к порочно-му образу жизни. Он указывал на повсеместное пьянство, мещанство, развал традиционной семьи, умножение матерей - одиночек, у которых отсутствовала мотивация для совершенствования личности[20, с.260].

По словам русского философа И. Ильина, который очень точно дал определение плодам социализма, - социализм антисоциален. Он «убивает свободу и творческую инициативу; уравнивает всех в нищете и зависимости, чтобы создать новую привилегированную касту партийных-чиновников-угнетателей; проповедует классовую ненависть вместо братства; правит террором, создает рабство и выдает его за справедливый строй»[14, с.59].

В 1960-1970-х в некоторых приходах, благодаря авторитету священников в основном в монашеском сане, воссоздавались братские общины - подобие дореволюционных братств. Такие общины были популярными в 1920-1930-е годы. Их возглавляли священнослужители вдохновленные постановлениями Поместного Собора 1917-1918 гг. и призывами Патриарха Тихона к созданию братств. Среди духовных авторитетов были архиепископ Гурий (Егоров), протоиерей Роман Медведь, архимандрит Серафим (Батюков), протоиереи праведный Алексей и Сергей Мечевы, священник, а затем епископ Макарий (Опоцкий) и другие[18, с.72].

Рассматривая «советскую религиозность» следует сказать, что большое значение для развития «катакомбной жизни» в 1960-1970-е годы в СССР имело отсутствие храмов. Верующие, из-за невозможности открыто проявлять свою религиозность уходили в подполье, в свой внутренний мир. В таком «катакомбном» внутреннем мире жили и верующая старушка, священнослужители и Святейший Патриарх. Повсеместно, при храмах образовывались маленькие религиозные общины. В них были монахини закрытых в 1950-1960-е годы монастырей, вдовы и девицы, пожелавших жить иноческой жизнью. Внешне они ничем не отличались от советских граждан, но в своем кругу несли монашеское служение. В монографии «В поисках «безгрешных катакомб» А. Беглов указывает на таких «мирских» монахинь, которые составляли сестричества «вне стен и одежд»[5, с.83]. По данным Совета по делам Русской Православной Церкви на 1 января 1962 года в СССР действовало 783 нелегальные общины, что составляло 6,5% от зарегистрированных приходов РПЦ, которых было 10221. Наличие незарегистрированных общин вызывало тревогу властей, которые опасались объединени-

ях людей находящихся вне контроля уполномоченных и советских органов[10, с.20].

Тревога была обоснованной, т.к. имел еще фактор роста количества сектантских общин. На окраинах станы (северный Кавказ, средняя Азия, Казахстан, Сибирь, Дальний Восток), общины адвентистов, баптистов, пятидесятников начинали преобладать над общим количеством православных приходов, что вынуждало власти снисходительно относиться к деятельности православных приходских общин[17, с.426].

Оценивая данные о высокой религиозности населения в 1970-е годы заместитель председателя Совета по делам религий В. Фуров вынужден был заявить о двойственной позиции Совета в отношении как к религиозным организациям, так и к священнослужителям. По его мнению, с одной стороны, надо было сокращать в силу их религиозного влияния, однако приходилось признавать, что количество верующих с развитием и существованием социалистического государства не только не уменьшается, но растет. «С одной стороны духовенство и верующих надо компрометировать, - указывал он, - с другой - они лояльны, многое знают и на многое могут повлиять»[12, с.36]. Таким образом, из данного заявления видно, что высшие чиновники Совета по делам религии вынуждены были признать невозможность ликвидировать религиозные представления у людей.

Религиозность населения нужно рассматривать в призме присущей тоталитарным сообществам двойственностью. В воспоминаниях церковных иерархов нередко встречаются рассказы о том, что партийные деятели, а также люди, занимавшие большие государственные посты, внешне заявляя о своей приверженности атеистическим представлениям, в своей внутренней жизни (в кулуарных беседах) с уважением относились к религии[22, с.302]. Уникальным и показательным свидетельством эпохи звучит рассказ Святейшего Патриарха Кирилла о том, как сотрудники советского посольства в Швейцарии в 1970-х годах, каждый в отдельности, боясь огласки, просили их обвенчать с супругами. Владыку всегда удивляла такая обстановка, когда два человека, близкие по духу, вынуждены бояться и не доверять друг другу[13, с.59]. Внешне, что монахини, что «катакомбники», что иерархия и народ, были лояльны строю, внут-

рнения жизнь пестрела разнообразием синкретических религиозных представлений, чаще всего характеризующихся наличием профанных форм традиционной религии.

В 1960-е годы религиозность стала проявляться в среде молодого поколения. Как указывают некоторые исследователи, в целом, основной контингент уже немолодых прихожан в 1960—е годы составляли пришедшие в Церковь бывшие комсомольцы и антирелигиозники 1920-1930-х годов. По некоторым данным, люди среднего возраста (30-50 лет) в столичных и республиканских городах составляла 1/3 верующих. Среди неофитов как правило преобладали лица женского пола. В докладе «Русская Православная Церковь в год своего 1000-летия» А. Бессмертный-Анзимиров делает интересное замечание о религиозности населения в СССР. В своем заключении он ссылается на мнение и оценку сельских священнослужителей. В 1960-1970-е годы в Церковь пришли бывшие комсомолки 1920-1930-х годов, которые сами некогда участвовали в закрытии и осквернении храмов. Находясь в преклонном возрасте, они раскаивались в своих действиях и становились добрыми церковными прихожанами[6, с.98].

В Центральной России, в Верхнем Поволжье, наличие молодежи было несколько меньше, чем в республиканских центрах, особенно среди людей участвующих в богослужениях. В основном, это были дети священнослужителей[6, с.98]. К концу 1970-х гг. можно было утверждать, что церковная религиозность охватывала все слои населения. Ее воспроизведение и происхождение до сих пор вызывает удивление и не поддается рациональному объяснению. Данный вывод подтверждается отсутствием разрешенной властями миссионерской и воспитательской работы со стороны Церкви среди населения в виду законодательного запрета таковой деятельности.

Активная религиозность населения в 1960-1970-е годы появилась естественным и спонтанным путем. В СССР в среде молодежи было принято скрывать религиозность при поступлении в высшие учебные заведения, при вступлении в комсомол и партию в связи непредсказуемыми последствиями, которые могли затем обернуться для таковых людей. Последствия для таковых людей были разными:

увольнение с работы, отчисление из института, разрушение профессиональной карьеры, выговор по партийной линии. Однако, несмотря на проводимые репрессии в отношении проявления религиозности, по данным, приведенным протоиереем А. Марченков СССР, в целом, по стране, в 1955-1957 гг. за богослужением в храмах молодежь возраста 15 – 25 лет составляла 5-7%. В праздники Рождества и Пасхи – 6-8%. На Урале показатель достигал 10-15% в Свердловской епархии, 15-16% в Молотовской (Пермской) епархии[16, с.223].

В 1960-1970-е годы возник и другой феномен, который именовался «неофитским синдромом». Он характеризовался тем, что в Церковь, в конце 1950-х годов в основном, в среде молодых людей, возникла атмосфера свободы, невозможная казалось бы, в несвободном обществе тоталитарной социалистической системы. «Неофитский синдром» имел своеобразные черты, резко отличавшие его от образа традиционных верующих, выросших в церковной среде. Неофитство характеризовалось обретением веры в результате поиска в период формирования личности и связанной с ней духовными запросами. Необычное явление, воспроизводящее подобное возвращение интеллигенции в Церковь в начале XX века, возникло в середине 1960-х - 1970-х гг. в среде образованной молодежи, воспитанной в нерелигиозных, а подчас и атеистических семьях. Особенность этого возвращения находилось в области протеста. Вчерашние интеллигенты, иногда вышедшие из семей партийной номенклатуры, оказавшись внутри церковных стен, по замечанию А. Бессмертного-Анзерова агрессивно отрицали светскую культуру. По его мнению, неофиты, обретая религиозную веру, погружались в странный тип стилизации под православие. Сразу же открывали в своих душах шлюзы нетерпимости, самодовольства и ханжества[6, с.101]. Особенно этот феномен проявился среди принявших в конце 1980-х годов священство интеллигентов критиковавших западные либеральные ценности. В 1960-1970-е годы протестная интеллигенция из неофитов пыталась доказать церковному руководству, что христианство не должно ограничиваться богослужением, что насущным вопросом жизни Церкви является протест против произвола проводимого атеистической властью. Напри-

мер, в своей статье «Раскол церкви и мира» один из таких новообращенных неофитов Е. Барабанов сообщал, что призыв священноначалия Церкви уделять большее внимание богослужению и молитве (богослужение и есть христианство) как об ущемленной формуле противоречащей истинам веры. Он укорял верующих в «покорности» безбожным властям[4, с.184].

Движение новообращенцев - неофитов из интеллигенции пришедших в Церковь на протестной волне было немногочисленным, но активным. Оно проявилось в создании кружков и семинаров религиозно-философского, евангельского толка, в распространении самиздата, открытых писем, направленных как в государственные, так и в церковные инстанции. Отличительными чертами пришедшей в Церковь интеллигенции стало проявление религиозного диссидентства, где иногда главным в религиозности таковых обращенцев к вере было - диссидентство-протест против существующей системы. Диссидентство внешне сопровождавшееся религиозной тематикой. Такое движение было новым явлением в истории СССР и было обозначено как «православное диссидентство» в связи с тем, что основными представителями его были православные священники и миряне[2, с.196].

Следует отметить характерную черту религиозности обращенцев 1960-1970-х годов как обретение веры в период душевного кризиса. Известный московский протоиерей Всеволод Шпиллер в результате наблюдения за людьми приходящими в храм и нашедшими веру в Бога резюмировал, что в СССР большое количество верующих людей «нашли веру» путем личного опыта или иной формы кризиса личности. Детство их прошло в нерелигиозной, или даже часто антирелигиозной среде. И вот, однажды, они, в результате поиска свободы среди пустоты и лживости официальной пропаганды, увидев порочность окружающего их мира «нашли Бога, вдруг увидели Церковь в ее истине и красоте и пришли к ней»[20, с.44]. Большинство из обращенцев не становились традиционными верующими. Они «горели» верой, готовы были пострадать за Церковь, готовы были прилепиться к духовному руководству старца, либо к храму, где он служит. Однако при тогдешнем положении Церкви духовное руковод-

ство, воспитание и образование неофитов было крайне затруднительным ввиду недостатка пастырей и храмов.

Статистика показывает, что религиозными в той или иной форме можно было назвать более половины населения СССР. Укажем количество крещений как показатель религиозности населения. Хотя процент крещения детей не всегда является доказательством их религиозности, однако, как свидетельствуют данные статистики, процент крещенных детей по сравнению с 1920-ми годами в 1960-е годы не снизился. Он составлял более 50% [20, с.170]. Эти показатели свидетельствуют о том, что все усилия советского атеистического государства по сокращению количества верующих оказались ничтожными. Навязанные «советские обряды», Деятельность комсомольских и пионерских организаций стали формой без содержания, которая рассыпалась при первых же веяниях свободы в конце 1980-х годов.

Именно народная вера была тем неактивным сопротивлением, которая сорвала планы по превращению граждан государства в безрелигиозный «советский народ», а человека первого в мире социалистического государства в «homo soveticusa». О чем ярко свидетельствует распад Советской империи 26 декабря 1991 году на национальные республики и их дальнейшее следование национальному вектору развития.

Отметим в связи с рассматриваемой темой советской религиозности фактор т.н. «народной веры». Одной из форм религиозности и связанной с ней сопротивлением антирелигиозной пропаганде было т.н. народное, или бытовое православие или религиозность. Оно заключалось в исполнении людьми подчас формальной православной традиционной обрядности: крестились, венчались, были отпеты в церкви и на дому не только сами люди, называющие себя верующими, но партийные и комсомольские работники, воспитанные в традиционной системе коммунистическо-атеистических ценностей.

Исследуя феномен религиозности российской молодежи Т. В. Бузова писала, что первое, что необходимо констатировать при оценке религиозности молодого поколения СССР - это ложность утвердившегося в годы застоя тезиса об атеистичности российской молодежи[7, с.277]. В подтверждение своих

слов она приводит данные статистических опросов проведенных в 1987 году среди комсомольских работников г. Перми. Данные опросов свидетельствуют, что 17% из опрошенных допускали существование высшего духовного начала, 13% - признавали наличие души, 56% считали, что религия приносит больше пользы, нежели вреда. Из других категорий опрошенных на тему религии среди молодых людей – студентов, рабочих, деятелей искусства - 30% допускали существование высшего духовного начала.

В 1986 году, по данным научно-технической конференции «Актуальные проблемы неомистицизма», среди опрошенных в различных городах страны молодых людей, большинство респондентов были ориентированы на нематериалистические ценности[7,с.277-278]. Приведенные данные говорят об официальной статистике, которая с изменением политического климата в стране в пользу демократизации и свободы слова показывала положительные результаты роста религиозности. Основной причиной относительно невысоких показателей молодежной религиозности Т. Бузова видит в сложности получения вероучительной информации[7, с.278].

Подводя итоги борьбы с религиозными предрассудками среди населения в СССР в 1980-е годы председатель Совета по делам религий К. С. Харчев, в своем выступлении перед представителями высшей партийной школы в марте 1988 года наряду с традиционными провозглашаемыми достижениями и успехами указал, что усилия антирелигиозной пропаганды и не достигла своих целей. Своими действиями она больше теряла контроль над ними. Осознавая этот факт, он удивлялся феномену живучести Русской Церкви, верующие которой в 1980-х годах составляла 70% населения и которая, за 78 лет борьбы против нее Советской власти не только выжила, но начинает обновляться. Корреспондентам журнала «Огонек», бравшим у него интервью он признался, что религия в народе существует «всерьез и надолго»[11, с.120].

По мнению историка Д. Поспеловского, результат атеистической пропаганды в смысле насаждения атеистической убежденности за прошедшие последние шестьдесят - семьдесят лет был равен почти нулю. Он делает вывод, что атеистическая политика достигла

одного результата: нравственного упадка в стране и снижения нравственного влияния Церкви на жизнь человека. Атеизм явился распространителем этического нигилизма и цинизма. Он порождал ощущение беспочвенности и бессмысленности жизни[20, с.197-216].

Молодые люди вопреки тотальной пропаганде находило дорогу к храму через искусство, чтение книг, исследование истории, через изучение атеистической литературы – единственного источника по религиоведению. Вопреки всем запретам они искали смысл жизни и находили его в религии. Так стал религиозным человеком выпускник исторического факультета МГУ Л. А. Лебедева, который был работником краеведческого музея расположенного на территории бывшего Ново-Иерусалимского монастыря в г. Истре. Вместо изучения истории местного края он увлекся и занимался монастырскими архивами. Покинув музей, Лебедев стал пономарем местной Покровской церкви[25]. Редактор стенной газеты «Атеист» в старших классах школы, член ВЛКСМ, выпускник философского факультета МГУ по кафедре научного атеизма А. Кураев стал протодиаконом РПЦ, богословом и писателем, ярким проповедником и адептом религиозной просвещенности[3]. Несомненными религиозными чертами обладал и сам культ атеистических представлений навязанный в качестве партийной идеологии. Достаточно привести в качестве примера кодекс строителя коммунизма, являющийся аналогом библейских Десяти заповедей. По мнению историка В. Русака атеизм и его последователей также можно отнести к форме религиозности. На основании анализа документов раскрывающих принципы борьбы советской власти с религией он пришел к выводу, что борьба с Церковью и религией рассматривалась как борьба с контрреволюцией[21, с.76].

Путем воздействия массовой антирелигиозной пропаганды власть ставила задачу создания нового человека, независимого от религиозных предрассудков. Партийные идеологи исходили из ложного тезиса несовместимости науки и религии, приоритета науки над религией и неоправданно считали, что религиозные представления автоматически разрушатся при внедрения в широкие массы необходимого комплекса научно-популярных зна-

ний. Они полагали, что авторитет науки разрушит религиозные представления и мировоззрение.

Однако, несмотря на предпринятые усилия антирелигиозной пропаганды, на фоне возросшей политической и культурной активности различных слоев советских граждан наметился открытый процесс количественного роста верующих стране развитого социализма. На основании изложенных фактов следует признать, что с полным правом религиозность советских людей можно назвать термином - «советской религиозностью», т.к. она по своим признакам отличалась от религиозности дореволюционной, при совпадении с ней в некоторых параметрах, в частности, двоеверия. Отличительными признаками ее стали: лояльность власти провозглашавшей атеизм основой своей идеологии и, вместе с тем, сопротивление ей в плане своих религиозных воззрений и духовных практик.

Потому не будет преувеличением сказать, что в посттоталитарном обществе наличествуют все признаки «советской религиозности», которые не исчезли, но тяжелым наследием вошли в современность.

Библиографический список:

1. *Аксюциц В.* Атеистическая идеология. Государство. Церковь. Доклад на Международном семинаре по гуманитарным проблемам. Секция «Свобода веры». Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: Сборник. М.: Столица, 1991.
2. *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Вильнюс; М., 1992.
3. *Алексеев П. В.* Кураев Андрей Вячеславович. // Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Акад. проект, 2002.
4. *Барабанов Е. В.* Раскол церкви и мира. Из-под глыб. Париж: YMKA-PRESS, 1974.
5. *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб» Церковное подполье в СССР. М., 2008.
6. *Бессмертный-Анзимиров А.* Русская Православная Церковь в год своего 1000-летия. /Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси: Сборник. М.: Столица, 1991.
7. *Бузова Т.В.* К вопросу об отношении молодежи России к религии и атеизму. //Вестник

русского христианского движения. Париж-Москва-Нью-Йорк, 1990. №160.

8. *Васильев Б. Л.* Капля за каплей. М.: Независимое издательство «Пик», 2003.
9. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. р-2102. Оп.5. Д.39.
10. *Гордун С., прот.* Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год //Журнал Московской Патриархии. 1993. №2.
11. *Григорий (Граббе), еп.* Русская Церковь перед лицом господствующего зла. Джорданвилль, 1991.
12. Из отчета Совета по делам религий членам Центрального Комитета коммунистической партии СССР. Нью-Йорк – Монрель.
13. *Илларион (Алфеев), архип.* Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М.: Эксмо, 2009.
14. *Ильин И.* О грядущей России. Избранные статьи. Изд-е Св. –Троицкого монастыря, Джорданвилль, 1991.
15. Личный архив прот. Д. Сазонова. Воспоминания В. Н. Акимова о жизни в Казахстане.
16. *Марченко А., прот.* Религиозная политика Советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Изд-во Крутицкое подворье, 2010.
17. Настольная книга атеиста. М., 1974.
18. *Опоцкий Н., свящ.* Идеальная община и путь к ее восстановлению. М.: «Преображение». 2013.
19. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск II. Костромской район. Красносельский район. / авт. Г.К. Смирнов, П.Н. Шармин, Е.Г. Щеболева. Кострома, 2000.
20. *Поспеловский Д.* Советские исследования Церкви и реакция верующих на атеизм. Лондон: Макмиллан, 1988.
21. *Русак В.с.* Пир сатаны : Рус. Православная Церковь в "ленинский" период (1917-1924). London (Canada) : Заря, 1991.
22. Русь уходящая. Рассказы митрополита / [Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В.]. - М.: 2004 (Тула : ИПШ Гриф и К).
23. *Солженицын А. И.* Христианство на Руси. Христианство на Руси. Из IV тома «Март Семнадцатого». Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: Сборник. М.: Столица, 1991.
24. *Ушинин Д.* Новые веяния в атеистической пропаганде в СССР // Грани. 1966. № 60.
25. Фальшивый крест. // Ленинское знамя. 23.07.1964.

©Сазонов Д. И., протоиерей, 2021